

International Journal of Russian Studies

Uluslararası Rusya Araştırmaları Dergisi

ISSN: 1307 - 3419, Ankara - TÜRKİYE

Volume 3/1 January 2010 p. 45-63

www.radtr.net

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РАБОТНИКОВ ТЯЖЕЛОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ УКРАИНЫ В 1944 – 1956 гг.**

ТАТАРИНОВ ИГОРЬ*

Summary

The research is based on little-known archival and printed sources. The author investigates the material conditions of life and depicts the daily life and social moods of heavy-industry workers in the hard conditions of the post-Second World War period. In the article there is also an analysis of the level and quality of life of Ukrainian workers and their leisure in a totalitarian state.

Key words: Soviet Union, State, Ukrainian workers, level of life, house-communal problems, leisure.

После распада СССР значительно усилился интерес историков, экономистов, правоведов, специалистов других отраслей знаний к изучению различных сторон хозяйственного развития нашего государства. В последнее время многие ученые стали исследовать такой недостаточно изученный аспект, как послевоенное восстановление Украины. Вторая мировая война стала одной из наибольших

* Татаринов Игорь Евгеньевич, магистр истории, аспирант кафедры истории Украины Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.

катастроф в истории человечества. Украина понесла огромные человеческие и материальные убытки за годы войны. Погиб каждый шестой житель республики, около 2,5 млн. граждан было вывезено в Германию на принудительные работы, было разрушено свыше 16 тыс. промышленных предприятий, в руины превратилось 714 городов и поселков городского типа, свыше 28 тыс. сел, около 40 млн. квадратных метров площади. Уцелело всего 19% промышленных объектов. Общая сумма убытков Украины составляла свыше 285 млрд. руб.¹

В послевоенные годы, в условиях начавшейся холодной войны, возникла острая потребность в немедленном комплексном перевооружении армии и флота на качественно новом техническом уровне. Ради этого задания руководство страны сосредоточило внимание на скорейшем возрождении промышленного потенциала республики, в частности на восстановлении тяжелой индустрии. Ценой огромного напряжения физических и моральных сил люди добросовестно и самоотверженно работали, надеясь, таким образом, быстро преодолеть ужасные последствия войны. Но в условиях, когда все имеющиеся материальные и человеческие ресурсы были брошены на решение задания по преодолению экономического отставания СССР от стран Европы, вопрос обеспечения надлежащего уровня жизни людей так и не был решен, в отличие от большинства европейских стран. Послевоенное возрождение республики предусматривало восстановление тяжелой индустрии, как приоритетной отрасли промышленности. Именно туда были направлены значительные материальные и человеческие ресурсы, в то время, как рабочие и служащие на своих плечах вынесли основной груз послевоенного восстановления промышленного потенциала республики и последующего форсированного наращивания темпов производства.

Цель данного исследования – на основе анализа малоизвестных архивных материалов и обобщения публикаций современных историков охарактеризовать основные составляющие повседневной жизни. В первую очередь, определить уровень обеспеченности работников тяжелой промышленности УССР необходимыми для жизни материальными и социальными благами, то есть предметами, товарами, услугами и условиями, что удовлетворяют человеческие потребности. Выяснить, в каких условиях жили и работали, чем питались, что могли

себе позволить из одежды и обуви, каким образом отдыхали украинские рабочие. Также необходимо ответить на ключевой вопрос – была ли бедность рабочих и служащих тяжелой промышленности УССР тотальной. Основным заданием нашего исследования является заполнение существующего пробела в изучении повседневной жизни работников тяжелой промышленности Украины в первое послевоенное десятилетие.

Практически все советские исследования, посвященные послевоенному периоду, акцентируя внимание на многочисленных послевоенных трудностях, отмечают, что в целом их удалось ликвидировать за годы первых двух послевоенных пятилеток. В то же время было не принято утверждать, что уровень жизни в исследуемый период был не высоким. Послевоенные исследователи всячески подчеркивали «высокий или достаточный уровень благосостояния рабочих и служащих»². В те годы также не существовало конкретного определения такого понятия, как уровень бедности. Вышеупомянутые жизненные стандарты также не были дифференцированными, как и не существовало определение уровня прожиточного минимума в современном понимании этого критерия. Поэтому, ради объективного и всестороннего исследования уровня послевоенного благосостояния украинского рабочего, более целесообразно будет изучать этот аспект сквозь призму современных трактовок этих понятий. Этой теме в определенной мере коснулись в своих трудах такие современные исследователи, как Б. Казанцев, Л. Ковпак, Л. Хойнацкая³. Защищен ряд диссертаций, где также был частично затронут вопрос послевоенного уровня жизни⁴. К сожалению, несмотря на научную перспективность и очевидную актуальность исследования этой темы, она пока еще так и не стала предметом отдельного и масштабного изучения.

Одной из самых болезненных проблем, что существенно затрудняла повседневную жизнь украинского рабочего в послевоенные годы, была жилищно-бытовая неустроенность. Во время Великой отечественной войны была разрушена половина довоенного жилищного фонда⁵. Власть активно занялась этим вопросом, выбрав более простое и дешевое направление – восстановление разрушенных зданий и строительство временного жилья. Самым быстрым способом возведения временного жилья было переоборудование в бараки обгорелых, полуразрушенных и

недостроенных помещений. К сожалению, строительство нового жилья осуществлялось в значительно меньших объемах, чем восстановительные работы. Такая практика сохранялась в течении всего послевоенного десятилетия. Например, на 1952 год по 12 областям республики, где было сосредоточено подавляющее большинство предприятий тяжелой индустрии, насчитывалось 3666 барачков, где проживало почти 50 тыс. рабочих семей⁶. Вообще, строительство барачков, где полностью игнорировались санитарно-гигиенические нормы проживания, было как для центральных, так и местных органов власти самым простым методом решения жилищной проблемы.

Многочисленные злоупотребления ответственных за предоставление жилья лиц значительно осложняли жизнь рабочих семей. Так, в 40-е годы злоупотребления в сфере жилищно-коммунального хозяйства приняли широкомасштабный характер, о чем свидетельствуют многочисленные материалы проверок МВД УССР. На 1 июня 1947 года общая сумма краж и растрат в вышеупомянутой сфере составляла свыше 3,2 млн. руб. МВД выявило многочисленные случаи предоставления квартир определенным лицам за взятку, также были зафиксированные факты подделки документов на право получения жилплощади и предоставления фальшивых ордеров⁷. В то же время, на квартирном учете стояли тысячи семей украинских рабочих, ожидая своей очереди на улучшение жилищных условий. Например, на конец 1952 г. в списке очередников на получение жилья в г. Львов находилось около 4,5 тыс. семей местных рабочих⁸. В следующем 1953 году на учете в Львовском горисполкоме стояло уже свыше 7 тыс. семей рабочих, которые ожидали своей очереди на получение квартиры⁹. На Донбассе также были зафиксированы нарушения в жилищной сфере. Например, по наибольшим угольным предприятиям республики – комбинатам «Артемуголь» и «Сталинуголь» в 40-е годы выявлены многочисленные факты нецелевого использования государственных средств. Выделенные государством деньги на индивидуальное строительство шахтеров были частично разворованы руководством комбинатов¹⁰. В послевоенные годы в условиях стремительного промышленного и демографического роста власть так и не смогла решить жилищную проблему, а обеспечение нормального уровня жизни украинскому рабочему для власти не стало приоритетным заданием.

В значительной мере осложнял повседневную жизнь украинских рабочих неустроенный быт. В общежитиях, где проживало около 20% рабочих, наблюдалось почти полное отсутствие мебели, зеркал, часов, кое-где в холодных комнатах можно было встретить топчаны и даже нары. Так, при неофициальном контроле переписки рабочих ряда Харьковских машиностроительных предприятий военной цензурой НКГБ УССР были зафиксированы многочисленные жалобы рабочих на плохие жилищно-бытовые условия, наблюдался рост негативных социальных настроений. Так, рабочий Харьковского завода №75 В. Фидериков в письме от 8 января 1945 г. жаловался: «В комнате у меня очень холодно, как приехал, ни разу не был в тепле. Сейчас с приятелем сожгли табуретку и немного согрелись. Хуже всего дела с деньгами, заработка совсем нет. Ордеров на проживание не дают. В общежитии все рваное и грязное, мыла вообще не выдают, все очень плохо»¹¹. Во время Второй мировой войны особенно сильно пострадали водопроводная система и канализационная сеть. На возрождение этой сферы были направлены значительные капиталовложения, но демографический рост и наплыв рабочей силы в промышленные центры значительно опережали уровень коммунально-бытового строительства. Так, например, в послевоенные годы среднесуточная норма потребления воды на одного жителя таких промышленных центров Донбасса, как Горловка, Макеевка, Мариуполь не превышала 50 л. Этот показатель значительно отставал от положенной среднесуточной нормы в 120 л¹². В Харькове в 1953 г. среднесуточная потребность в воде по городу составляла 215 тыс. куб.м, но существующая система могла подать 152 тыс. куб.м воды, половина которой шла на потребности промышленности. В некоторых случаях среднесуточная норма на одного харьковчанина составляла 10 л при потребности в 150. Просто катастрофической была ситуация с водоснабжением на окраинах города, где проживало подавляющее большинство харьковских рабочих. Некоторые рабочие поселки вообще не имели водопровода и не были подключены к городской канализации¹³. В последующем бытовая ситуация несколько улучшилась. На 1955 г. в 14 городах Украины были восстановлены довоенные или построены новые канализационные сети, отремонтировано большинство водопроводов. В 50-е годы снизился поток жалоб в центральные и местные газеты и в коммунальные службы.

Но невзирая на это, ситуация с бытом рабочих оставалась сложной, о чем свидетельствуют материалы периодических изданий исследуемого периода¹⁴. Таким образом, в течение первого послевоенного десятилетия реальное потребление украинским рабочим коммунально-бытовых услуг было низким.

Значительную часть времени в повседневной жизни рабочего занимала работа. В тяжелые послевоенные годы для украинского рабочего именно работа давала основные средства к существованию. Уже в 1945 году были ликвидированы трудовая мобилизация и сверхурочные работы, которые были ранее введены в связи с военным положением республики. Восстановлен 8-часовой рабочий день, а рабочим и служащим возвратили право на очередные и дополнительные отпуска. Вследствие принятых мер удалось в некоторой степени облегчить жизнь и нормализовать рабочее время.

Характерной особенностью периода было систематическое повышение производственных планов. Советский Союз стремился любой ценой ликвидировать промышленное и технологическое отставание от западных стран, которые теперь рассматривались как потенциальные противники. Ситуация осложнялась тем фактом, что до 1949 года США являлись единственной страной, обладавшей ядерным оружием. В таких условиях на плечи рабочих и служащих приоритетных отраслей промышленности и была возложена непосильная задача по преодолению экономического отставания.

Именно на конец 40-х гг. приходится наибольшее количество несчастных случаев по предприятиям тяжелой промышленности Украины. Особенно много таких случаев фиксировалось по угольной промышленности. За 1947 – 1949 гг. на угольных предприятиях двух крупнейших комбинатов Донбасса «Артемуголь» и «Сталинуголь» произошел 93 641 несчастный случай, повлекший смерть 1035 шахтеров. Специальная комиссия обнаружила, что на комбинатах работало большое количество рабочих, вообще не обученных горному делу. Также был отмечен недостаточный технический контроль со стороны руководства шахт и трестов за правильным ведением горных работ¹⁵. Типичными были чрезвычайные происшествия и на металлургических предприятиях. Например, 3 мая 1948 г. в доменном цехе Макеевского завода им. С. Кирова погибло четверо рабочих –

учеников ФЗО (фабрично-заводского обучения). На том же предприятии, 18 мая в 1948 г. повторно случился несчастный случай, где в результате грубых нарушений техники безопасности было обожжено 10 рабочих. Причиной трагедии был так называемый человеческий фактор и недостаточная информативная работа инспекторов по охране труда. К тому же, незадолго до трагических случаев были уволены несколько опытных специалистов-инженеров и инспекторов. Аналогичные происшествия случались и на других предприятиях тяжелой индустрии республики. В спецсообщении МГБ Украины отмечалось, что «несчастные случаи образуют негативные настроения среди молодежи, рабочих и учеников ФЗО». Так, инженер Рутченковского коксохимического завода С. Фарафонов говорил, что «руководство завода по кадровым вопросам руководствуется принципом политической благонадежности, проводя чистку опытных кадров, и возможно именно из-за этого металлургия работает исключительно плохо, ведь многие хорошие работники были освобождены из работы и это не могло не сказаться на производстве¹⁶. Руководство не приветствовало такие высказывания, кое-где особенно критически настроенные работники были уволены. Иногда власть прибегала к более репрессивным мерам. Например, в 1948 г. к 10 годам лишения свободы был осужден забойщик шахты им. Артема И. Антропов за «антисоветскую агитацию». Вина этого шахтера заключалась в том, что он пел под гармошку частушки о тяжелом труде шахтеров и колхозников¹⁷. Такие радикальные меры, естественно, не могли решить проблемы, хотя и могли повлиять на распространение негативных настроений среди рабочей молодежи. Гораздо эффективными оказались мероприятия по искоренению случаев производственного травматизма. В 50-е гг. были проведены масштабные проверки правил техники безопасности на предприятиях тяжелой промышленности. По результатам проверок ряд руководителей были понижены в должности, либо уволены, значительно увеличился штат инспекторов по охране труда. Ситуацию также удалось исправить благодаря налаживанию работы горноспасательных служб и значительному увеличению профилактической работы. Хотя количество несчастных случаев продолжало оставаться достаточно высоким, уровень общего травматизма удалось снизить на 25 – 30%¹⁸.

Таким образом, для послевоенных лет было характерным систематическое увеличение планов добычи угля, выплавки металла, и производства продукции машиностроительного комплекса. В то же время, практически на всех предприятиях имело место халатное отношение ответственных должностных лиц к правилам техники безопасности на производстве. Это влекло за собой смертельные случаи, приводило к увеличению производственного травматизма и, как следствие, к росту инвалидности среди рабочих в результате травм и обострения профессиональных болезней. Общий коэффициент производственного травматизма среди работников тяжелой промышленности Украины в послевоенные годы был неизменно высоким. Республика выполняла форсированные производственные планы за счет здоровья и жизни своих рабочих.

Неотъемлемой составляющей при определении уровня благосостояния работников тяжелой промышленности УССР в первое послевоенное десятилетие является характеристика материального положения, основой которого была зарплата, что предоставляла от 80 до 100% доходов в семейный бюджет. С одной стороны, уровень жизни определяется составом и размером потребностей в различных благах, которые постоянно изменяются. С другой стороны, уровень жизни ограничивается возможностью их удовлетворения, исходя из положения на рынке товаров и услуг, доходов населения, заработной платы работников. Но и размер заработной платы рабочего, и уровень жизни его семьи определяются масштабом и эффективностью производства, научно-технического прогресса, культурно-образовательным уровнем населения и его структурой, национальными особенностями и др. Вполне закономерным является то, что уровень прибылей рабочих и служащих тяжелой индустрии республики должен быть выше, чем в остальных отраслях. Вредные для жизни условия труда и специфичность работы должны были иметь более высокий уровень оплаты. Например, на Лутугинском чугунолитейном заводе сталевар получал около 50 – 70 руб. за смену, что в месяц составляло около 900 – 1000 руб.¹⁹. На флагмане отечественного тяжелого машиностроения, Ворошиловградском паровозостроительном заводе, в 1947 году машинист паровоза получал 790 руб., сварщик – 1200 руб., слесарь – 1000 руб., токарь – 900 руб., кузнец – 1000 руб. и т.д. В эти годы завод давал работу почти 10

тыс. рабочих: 9151 рабочему и 498 ИПП²⁰. Наибольший уровень доходов по тяжелой промышленности имели работники угольно-добывающей отрасли, где средняя зарплата составляла около 1200 – 1300 руб. В советское время уровень доходов находился в полной зависимости от условия выполнения производственного плана, который в послевоенные годы систематически повышался, что в итоге приводило к тому, что в среднем до 30 – 40% рабочих не справлялись с такими нормами. Например, на шахтах треста «Фрунзеуголь» комбината «Артемуголь», что на Донбассе, среднемесячные доходы шахтера в 1946 г. Составили всего 824 руб.²¹. Таким образом, относительно высокий официальный уровень доходов по тяжелой промышленности в реальности был значительно ниже, и как следствие, более низкий уровень материального обеспечения.

Важным показателем уровня жизни той или другой группы промышленных рабочих является денежная прибыль на одного члена семьи. Так, в 1953 году были проведены бюджетные исследования семей рабочих по промышленным центрам Харьковской, Днепропетровской и Сталинской областей, а также Урала и Кузбасса. Выявилось, что 23% семей рабочих имели среднемесячный доход на одного члена семьи менее 350 руб. Треть семей (33%) имели доходы в размере от 351 до 500 руб., 31% семей – 501 – 750 руб., а 9% – 751 – 1000 руб. Характерно, что наиболее высокой среднемесячный достаток на одного члена семьи в размере свыше 1001 руб. имели всего лишь 4% семей²². Следовательно, наиболее высокий уровень дохода на одного члена семьи имели всего 13% семей, то есть подавляющее большинство семей (87%) имели доходы средние и ниже среднего уровня. Отсюда и значительно худший уровень жизни членов семей рабочих и служащих, ведь в исследуемый период практически не существовало иных возможностей улучшения материального благосостояния. Таким образом, имеются все основания утверждать, что уровень заработной платы подавляющего большинства украинских рабочих и служащих тяжелой промышленности был недостаточным для полноценной жизни в переполненные трудностями послевоенные годы.

Тяжелым испытанием для рабочих и служащих стал послевоенный голод. Засуха уничтожила большую часть посевов, и в результате возникли серьезные проблемы с выполнением планов хлебозаготовок. Руководство страны начало кампанию по

экономии хлеба, приняв несколько соответствующих постановлений. Промышленные центры УССР сразу ощутили на себе жесткие меры правительства. Так, практически всем предприятиям тяжелой промышленности были урезаны продовольственные лимиты. При существующей карточной системе возникли серьезные трудности с отовариванием продовольственных карточек. На некоторых предприятиях рабочие и служащие по несколько дней не могли получить продуктов по карточкам. Часть предприятий существенно урезала продовольственные карточные нормы, и отменили дополнительное питание для передовиков и рабочих, перевыполнивших дневную норму.

Продовольственную проблему сразу взяли на контроль партийные органы и НКГБ, которые отслеживали изменения социальных настроений рабочего класса. Так, органами госбезопасности регулярно читалась переписка рабочих и их семей. Например, 16 апреля 1947 года работник шахты Смолянка комбината «Сталинуголь» С. Рудниченко писал следующее: «Я стал худой, как тень, от голода ноги опухли, даже больно ходить. Страшно на себя смотреть, остались кожа и кости. Вообще у меня сейчас такое состояние, которое было во время плена...» В письме донбасского шахтера С. Климова шахты №10-бис г. Сталино от 22 мая 1947 г. зафиксировано следующее: «Жизнь сейчас очень плохая, я сильно заболел, а заработка совсем нет. Зарплаты получаю 200 – 250 руб. в месяц, с которой нужно отчислить деньги на квартиру, долг, подоходный налог и за бездетность, и в результате ничего не остается. Вынужден снова брать в долг в конторе...»²³. Таким образом, в 1946 – 1947 гг. уровень жизни рабочих и служащих тяжелой промышленности УССР был не просто низким, большинство людей находились на грани физического выживания.

Низкий уровень жизни в исследуемый период влиял также на текучесть трудовых ресурсов. Длительное время доминировала такая точка зрения, что эта проблема была обусловлена в первую очередь материальными причинами. Современные исследования доказывают, что низкий уровень зарплаты на предприятиях тяжелой промышленности Украины не всегда был доминирующим поводом к тому, чтобы покинуть предприятие. Так, на Ждановском заводе «Азовсталь» в 1949 году процент дезертиров с ежемесячной зарплатой до 400 руб. составлял всего 18,3%, в то время, как подавляющее большинство лиц, которые

покинули завод иметь доход от 400 до 600 руб., таких было 29,6%. В то же время, треть (32,3%) дезертиров имели ежемесячную зарплату до 800 руб. Интересно, что 19,8% дезертиров «Азовстали» ежемесячно получали до 1000 руб. и свыше, то есть относились к высокооплачиваемым категориям рабочих. Среди дезертиров завода преобладали холостяки до 30 лет, то есть те, кто проживал преимущественно в общежитиях или расходовал значительную часть своего заработка на аренду жилья²⁴. Дезертирство с предприятий имело место среди всех категорий рабочих, независимо от уровня оплаты их труда. Закономерно, что низкий уровень доходов существенно влиял на социальные настроения рабочих, но не всегда был ключевым фактором при смене места работы. Таким образом, на наш взгляд, главными факторами смены места работы были жилищно-бытовые неурядицы, а уже на втором плане были материальные проблемы.

Характерными показателями, отображающими качество жизни в послевоенные годы, являются показатели потребления продуктов питания. В этот период основным продуктом питания был хлеб, который пользовался особым уважением, был доступным и питательным. Так, например, семьи металлургов ежемесячно покупали 11,3 кг пшеничного хлеба на одного члена семьи, в то время, как шахтеры съедали около 13 кг. Семьи работников нефтяной промышленности потребляли 14 кг, а машиностроителей – 10,5 кг хлеба ежемесячно. То есть, среднестатистическая рабочая семья из четырех человек в послевоенные годы потребляла около 50 кг хлеба в месяц²⁵. Наибольшей популярностью пользовались недорогие сорта ржаного хлеба. Больше всего их потреблялось в семьях работников с низким уровнем доходов, что было вполне закономерным явлением – дешевые сорта хлеба были доступнее, чем более дорогие сорта пшеничного хлеба.

Важное место в пищевом рационе семей занимал картофель. Интересно, что согласно статистическим исследованиям, наибольший среднемесячный уровень потребления картофеля был выявлен в шахтерских семьях – 11,2 кг и семьях работников черной металлургии – 10,9 кг. В то же время, менее популярным картофель был на столах у работников нефтяной промышленности – ежемесячно покупалось около 8,5 кг на одного члена семьи. В целом же, в среднестатистической рабочей семье в послевоенные годы около 124 кг картофеля в год²⁶. Следовательно,

наряду с хлебобулочными изделиями, картофель занимал ключевое место в пищевом рационе работников тяжелой промышленности в первое послевоенное десятилетие.

Относительно такого незаменимого источника пополнения организма натуральными белками и жирами, как мясопродукты, то здесь ситуация была гораздо хуже. Например, шахтерские семьи ежемесячно потребляли больше мяса птицы или дичи – около 2,1 кг на одного члена семьи, немного меньше этот показатель был в семьях работников черной металлургии – 2 кг, и несколько ниже по другим отраслям тяжелой промышленности²⁷. Среди мясной продукции наибольшей популярностью пользовалась говядина и телятина. В среднем в 40-е годы рядовой рабочих или служащий ежегодно покупал около 9,1 кг этого мяса. Меньшим спросом пользовалась свинина – в среднем около 6 кг, а меньше всего рабочие покупали баранину – 2,5 кг в год. Закономерно, что менее всех потребляли мясную продукцию работники, годовой доход которых не превышал 600 руб.²⁸. Следовательно, подавляющее большинство рабочих потребляло мясопродуктов и мяса значительно меньше необходимого, хотя и больше чем по остальным отраслям промышленности. Недостаточные доходы подавляющего большинства рабочих обуславливали низкий уровень потребления, а недостаточное производство мясомолочной продукции приводило к стабильно высоким ценам на нее. Так, в течение первого послевоенного десятилетия средняя цена на мясо колебалась в диапазоне 30 – 60 руб. за кг.²⁹ Именно эти явления, по нашему мнению, существенно влияли на уровень жизни украинского рабочего. Вполне закономерным явлением есть то, что больший уровень потребления дешевых продуктов отмечался в семьях с невысоким доходом. В то же время рабочие семьи, где доход на одного члена семьи был выше среднего, потребляли меньше недорогих продуктов, но имели значительно более разнообразный пищевой рацион.

Потребление молока и молочных продуктов в послевоенные годы также было на низком уровне. Больше всего покупали молока шахтерские семьи – 6,5 л на одного члена семьи ежемесячно, чуть меньше пили молоко семьи работников нефтеперерабатывающей и нефтедобывающей – около 5,6 л на душу³⁰. Цены на молочные продукты (3 – 4 руб. за л) были вполне приемлемыми для всех категорий рабочих и служащих. Проблема лежала в иной плоскости. Молочная продукция

очень специфична и относится к скоропортящимся продуктам. В те годы часто молоко просто не успевало дойти к рабочему столу в результате отсутствия соответствующих мобильных охладителей и специальных емкостей для хранения. Кроме этого, в силу различных причин, послевоенное сельское хозяйство находилось в плачевном состоянии. Как следствие, производство молочной продукции серьезно отставало от реальных потребностей.

На конец исследуемого периода средний уровень годового потребления основных продуктов питания несколько повысился. Картофель и другие овощи, по-прежнему, были основными продуктами питания, а их потребление осталось практически неизменным. Но, невзирая на стабильную динамику (в начале 50-х гг. – 2 кг, середина 50-х – около 3 кг), потребления мяса и мясопродуктов в рабочих семьях все еще оставалось на низком уровне. Уровень потребления молока, в сравнении с концом 40-х – началом 50-х, составлял около 4,3 л в месяц, или 51,6 л в год³¹. Следовательно, питание в исследуемый период оставалось на достаточно низком уровне. Большинство украинских рабочих потребляло доступные и относительно дешевые овощи, хлебные и макаронные изделия, а также несколько увеличилось потребление мясопродуктов и рыбы.

В 50-е годы наметилась тенденция к изменению типа питания. Четко обозначился постепенный переход от хлебно-картофельного меню к более разнообразному, больше насыщенному жирами и углеводами, хотя все еще недостаточному. Также наметились сдвиги к улучшению качества и калорийности питания, постепенно изменялось соотношение между группами рабочих, дифференцированных за уровнем прибылей. В середине 50-х гг., вследствие увеличения уровня оплаты труда и упорядочения системы выплат, увеличилось количество работников с уровнем доходов выше среднего. В то же время, низкооплачиваемые категории рабочих постепенно сокращались, хотя на конец исследуемого периода таких рабочих было по-прежнему абсолютное большинство. Напрашивается закономерный вопрос – а было ли достаточным питание работников тяжелой промышленности Украины и их семей? Как, показали обследования, суточное количество употребленных продуктов питания среднестатистического работника промышленности в 1956 г. равнялось 2 689 калорий³². Институт питания

АН СССР в середине 50-х гг. высчитал суточную физиологичную норму калорийности продуктов, которая равнялась в того времени 3 053 калории³³. Таким образом, среднестатистический работник тяжелой промышленности Украины питался хуже от официально определенной физиологичной нормы, то есть питался недостаточно и неполноценно, и часто вынужден был покупать не то, что важнее, а то, что доступнее.

В 40-е – 50-е гг. приобретение непродовольственных товаров и бытовых услуг занимало существенную часть бюджета среднестатистической рабочей семьи. Предметы быта, одежда, обувь, керосин, спички, посуда и тому подобное – без этого повседневная жизнь невозможна. В послевоенные годы производство советской промышленностью промышленных товаров было значительно ниже спроса на них. Как следствие, эти товары были дефицитными и достаточно дорого стоили. Например, в государственной торговой сети женское пальто, в 40-е годы стоило – 180 руб., кофта – 60 руб., мужская обувь – 70 руб., кепка – 30 руб., кожные ботинки – 288 руб., валенки – 195 руб., 100 г туалетного мыла – 4 руб., 400 граммов хозяйственного мыла – 5-20 руб., литр керосина – 2 руб.³⁴. Тотальный дефицит приводил к тому, что было очень проблематично приобрести промышленные товары по вышеприведенным ценам. На помощь всегда приходила рыночная торговля, которая существовала практически в каждом городе и поселке. Но и цены здесь были в 2 – 3 раза выше государственных. В 40-е годы на приобретение непродовольственных промышленных товаров в среднем шло до 10 – 15% всех доходов семьи. Доля промышленных товаров, приобретенных у спекулянтов-перекупщиков, составляла 30%. В 50-е гг. произошли определенные позитивные изменения в государственной торговле промышленными непродовольственными товарами, но дефицит ликвидировать не удалось и украинский рабочий по-прежнему обращался к рынку. Так, например, в течение 1952 – 53 гг. около 22% от общих расходов на приобретение промтоваров приходилось на теневой сектор торговли. Аналогичной была ситуация и в последующие годы. В 1954 г. этот показатель равнялся 24%, а в 1955 г. – 22%³⁵. То есть каждое четвертое приобретение товара непродовольственной группы в послевоенные годы осуществлялось, как правило, у спекулянтов-перекупщиков. Закономерно, что больше всего покупали промтоваров

семьи работников с высоким ежемесячным доходом. Низкий уровень потребления промышленных товаров в исследуемый период был обусловлен элементарной нехваткой средств, большая часть которых расходовалась на продукты питания.

После тяжелого рабочего дня у рабочих и служащих было определенное время для того, чтобы отдохнуть и возобновить потраченные в процессе труда силы. В результате исключительно индивидуальных особенностей жизни это время отличалось как по длительности, так и за характером его расходования. Значительную часть свободного времени занимало непосредственное человеческое общение, которое является неотъемлемой составляющей жизнедеятельности. Повседневная жизнь рабочих и служащих не возможна без постоянных семейных или дружеских встреч. Такое общение, как правило, проходило преимущественно дома, в семейном или дружеском кругу.

Особенной популярностью в послевоенные годы пользовался кинематограф. Рабочие и служащие пытались, таким образом, всячески отвлечься от тяжелых последствий ужасной войны. Именно поэтому большинство советских фильмов, особенно комедии, пользовались безумной популярностью, а исполнителей главных ролей измученные послевоенными неурядицами люди готовы были носить на руках. В них они видели счастливый и беззаботный образ, к которому пытались приблизиться добросовестным и тяжелым трудом. Именно непреодолимый оптимизм, который рабочие и служащие видели на экране в исполнении своих любимых героев, был той силой, что побуждал украинских их добросовестно и честно работать ради будущей счастливой жизни.

Среднестатистический украинский рабочий и служащий также имел возможность сходить в театр, парк культуры и отдыха, потанцевать, послушать радиопередачи, почитать книгу или газету. Например, помимо центральных изданий, наибольший тираж имели такие украинские газеты, как «Советская Украина», «Киевская правда», «Звезда», «Молодежь Украины», «Правда Украины» и много других. Но ввиду дефицита свободного времени воспользоваться такими формами досуга украинский рабочий практически не мог. После шестидневной рабочей недели оставался, как правило, всего один выходной день, за который необходимо было решить множество бытовых и прочих вопросов. Таким образом, досуг

работников тяжелой промышленности был неполноценным и недостаточным для нормального отдыха после тяжелой рабочей шестидневки.

Вышеприведенные показатели фактического уровня благосостояния работников тяжелой промышленности республики позволяют ответить на ключевой вопрос – существовала ли бедность в этой среде. Как правило, бедность – это неспособность поддерживать минимальный физиологичный уровень потребления, обусловленный физиологическими, социальными и качественными нормами³⁶. Одним из основных критериев бедности есть такой уровень жизни, при котором половина, или большая часть индивидуальных доходов расходуется на продукты питания³⁷. Как показали обследования, всего 13% рабочих семей имели достаточный уровень потребления, а 87% расходовали на продукты питания более половины заработанного. Следовательно, в послевоенные годы подавляющее большинство рабочих и членов их семей недоедало и голодало. Очень мало времени оставалось на досуг и решение домашних вопросов. Практически невозможно было приобрести новой одежды, обуви и предметов быта, проживая, таким образом, в условиях абсолютной бедности. По приблизительным подсчетам около 900 тысяч – 1,2 млн. рабочих и служащих находились за чертой бедности, а вместе с членами семей почти 2,4 млн. человек, жили в условиях нищеты. Но не их вина, что в чрезвычайно трудное послевоенное время, насыщенное многочисленными неурядицами, повседневная жизнь рабочих и служащих была омрачена бедностью. Именно в этот период прослеживается невиданный энтузиазм граждан. Люди стремились как можно быстрее преодолеть ужасные последствия войны, тем самым каждая семья надеялась на счастливую мирную жизнь в будущем. Невзирая на трудности ценой огромного напряжения физических и моральных сил, работники тяжелой промышленности не только возродили довоенный уровень промышленности, но и значительно превысили его.

Библиография

1. Ковпак Л. Соціально-побутові умови життя населення України в другій половині ХХ ст. (1945–2000 рр.) – Київ, Інститут історії України НАН України. – 2003.–С. 10.
2. См.: Казанцев Б. Рост реальной заработной платы и доходов рабочих промышленности СССР в 1951–1958 гг. // История СССР. 1966. № 3.; Фигурнов С. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М.: «Соцэкгиз», 1960. – 199 с.
3. См.: Казанцев Б. «Неизвестная статистика» уровня жизни рабочего класса (1952–1970) // Социологические исследования. 1993. №4.; Ковпак Л. Указ. соч. – 230 с.; Хойнацька Л. Відновлення машинобудівної індустрії України та його соціальні наслідки (1943–1950рр.) – Інститут історії України НАН України. – Київ, 2003. – 232 с.; Хойнацька Л. Умови праці та побуту виробничників у ході відбудови підприємств машинобудівної індустрії України (1943–1950 рр.) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. праць. – Інститут історії України НАН України. – Київ, 1999. – Вип. 3. – С. 130 – 142.
4. См.: Герасимова М. Повсякденне життя населення Донбасу в 1945-1953 рр.: автореф. дис. канд. іст. наук: 07.00.01 / Донецький національний ун-т. — Донецьк, 2007.— 20с.; Ісайкіна О. Побут і дозвілля міського населення України у повоєнний період (1945–1955 рр.) – Дис. на здобуття вченого ступеня канд. іст. наук за спеціальністю 07.00.01 – історія України, Київ, 2004. – 274 с.; Лобода М. Використання трудових ресурсів у відбудові важкої промисловості України (1943–1950). – Дис. на здобуття вченого ступеня канд. іст. наук за спеціальністю 07.00.01 – історія України, – Інститут історії України НАН України. – Київ, 2007. – 234 с.
5. Ковпак Л. Указ. соч. С. 10.
6. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины) – Ф. 582. – Оп. 12. – Д. 332. – Л.1 – 62.
7. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины) – Ф.1. – Оп. 23. – Д. 4741. – Л. 271.

8. ЦГАОО Украины – Ф.1. – Оп. 30. – Д. 3093. – Л. 57.
9. Там же. – Оп. 24. – Д. 2863. – Л. 4.
10. Там же. – Оп. – 23. – Д. 4587. – Л. 72.
11. Там же. – Д. 2359. – Л. 7.
12. Там же. – Оп. 31. – Д. 193. – Л. 132.
13. Там же. – Оп. 30. – Д. 3456. – Л. 6.
14. Ворошиловградская правда, 1950. – 24 июня.
15. ЦГАОО Украины – Ф.1. – Оп. 24. – Д. 485. – Л. 20 – 25.
16. ЦГАОО Украины – Ф.1. – Оп. 24. – Д. 121. – Л. 70 – 72.
17. Голос Украины, 1992. – 4 июля.
18. ЦГАОО Украины – Ф.1. – Оп. 24. – Д. 487. – Л. 221.
19. Государственный архив Луганской области (ГАЛО). – Ф. 11. – Оп.4. – Д. – 57. – Л. 23.
20. Там же. – Оп. 5. – Д. 25. – Л. 1 – 16.
21. ЦГАОО Украины – Ф.1. – Оп. 23. – Д. 4626. – Л. 82.
22. Казанцев Б. «Неизвестная статистика» уровня жизни рабочего класса (1952–1970) // Социологические исследования. 1993. №4. – С. 6.
23. ЦГАОО Украины – Ф.1. – Оп. 23. – Д. 4587. – Л. 83.
24. Алфьоров М. Міграційні процеси та їх вплив на соціально-економічний розвиток Донбасу (1939–1959 рр.) – Донецьк: Український культурологічний центр, Донецьке відділення Наукового товариства ім. Шевченка, 2008. – С. 104.
25. Казанцев Б. «Неизвестная статистика» уровня жизни рабочего класса (1952–1970) // Социологические исследования. 1993. №4. – С. 10.
26. Там же. – С. 11.
27. Там же. – С. 11.
28. Центральный Государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ). Ф. 437. – Оп. 26. – Д. 201. – Л. 17.
29. ГАЛО. – Ф. 25. – Оп. 9. – Д. 21. – Л. 11.
30. ЦГАНХ. – Ф. 437. – Оп. 26. – Д. 381. – Л. 79.

-
31. Казанцев Б. «Неизвестная статистика» уровня жизни рабочего класса (1952-1970) // Социологические исследования. 1993. №4. – С. 11.
32. ЦГАНХ. – Ф. 437. – Оп. 26. – Д. 520. – Л. 19.
33. Казанцев Б. «Неизвестная статистика» уровня жизни рабочего класса (1952-1970) // Социологические исследования. 1993. №4. – С. 13.
34. Ворошиловградская правда, 1947. – 15 декабря.
35. Казанцев Б. «Частник» в сфере бытового обслуживания // Социологические исследования. 1993. №11. – С. 52.
36. Социология: короткий энциклопедический словарь. / Сост.: В.И. Волович, В.И. Тарасенко, М.В. Захарченко и др.; Под об. ред. В.И. Воловича.. – К.: Центр духовной культуры, 1998. – С. 44.
37. Подвижность структуры: современные процессы социальной мобильности / Макеев С.А., Прибыткова И.М., Симончук Е.В. и др. – Киев, 1999. – С. 159.

Татаринев И.Е. Телефон: +38(050)607-50-36; +3(0642)475-601
Е-mail: history@lds.net.ua